

Е.М. Понкратова, Д.А. Тараканова

КИТАЙ В ВОСПРИЯТИИ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-012-90020\19.

Рассматривается вопрос о месте Китая в творческом сознании Ф.М. Достоевского, его особом значении для формирования целостной картины мира писателя. Анализируется многослойное представление писателя о Китае, включающее рассмотрение клишированных стереотипов, распространенных в XIX в., образов, символизирующих косность и застой, высказываний, содержащих реальные опасения захватничества со стороны Китая. Показывается необходимость расширения представлений о специфике азиатских воззрений Достоевского.

Ключевые слова: Ф.М. Достоевский; имагология; Китай; китайский вопрос; русская литература XIX в.

Интерес европейцев к Китаю начинается в конце XVI в. При этом российско-китайские отношения, связанные, прежде всего, с торговыми интересами, начинают формироваться только во второй половине XVII в. Начало XVIII в. – период активной торговли, возвышение города Кяхта, в котором и происходил товарообмен между Китаем и Россией, а уже в 1719 г. в Пекин было отправлено посольство Л.В. Измайлова. С конца XVIII в. «китайская» тема уже узнаваема и в архитектуре: китайская деревня, строительство которой было инициировано императрицей Екатериной II в Александровском саду; китайский дворец, оформленный в причудливом рококо, являющийся частью дворцово-паркового ансамбля «Ораниенбаум» и многое другое. Екатерина II поддерживала распространение китайской стилистики, и к концу XVIII в. она уже проглядывается и в живописи, и в театральных постановках. Так, постепенно, сначала посредством калькирования «европейского Китая», в частности «французского», начинает формироваться миф о Китае, как некотором отдаленном идеальном пространстве, выстроенном на тысячелетних традициях церемоний [1].

В начале XIX в. после экспедиции И.Ф. Крузенштерна и появления его материалов по итогам плавания «Путешествие вокруг света»; после издания трудов Н.Я. Бичурина, возглавлявшего Девятую духовную миссию в Пекин и издавшего по возвращении ни много ни мало 14 трудов по Китаю и восточному вопросу, начинает формироваться собственно русское понимание Китая, и «китайский вопрос» становится одним из наиболее актуальных, в первую очередь, на территории Сибири. Заметки, которые начинает выпускать Иакинф Бичурин, пользуются широкой популярностью в связи с большим этнографическим интересом к далекой и малоизученной азиатской стране.

До середины XIX в. увлеченность Китаем проявляется во многих слоях обывательской жизни: китайские сувениры, вазы, фонарики, халаты, шелк, китайский театр, дома в китайском стиле. Правда, отличается эта китайская стилистика, как и положено всему мифологизированному и идеализированному, некоторой вычурностью. Предметы в китайском стиле намного менее «китайские», чем представлялось на тот момент обществу. Но постепенно миф о далеком, прекрасном Китае начинает терять свою привлекательность и актуальность, и на первый план выходит миф о разру-

шающей косности и излишней церемониальности, упадке империи Цин. А.В. Лукин пишет: «Образ Китая как царства неподвижности, общества, еще в древности застывшего в своем развитии, позаимствованный из западных сочинений, в первой половине XIX в. стал общепринятым в образованных кругах русского общества [1. С. 71].

Во второй половине XIX в. Китай переживает не легкие времена, Цинская империя разрушается. Первая и вторая опиумные войны заставляют пойти на подписание тяжелых и даже грабительских договоров, выплату огромных контрибуций. В то же время на территории Сибири начинает формироваться представление о Китае как потенциальном агрессоре и захватчике, что окончательно разрушает первоначально сложившийся миф, идеализирующий Китай.

Тема Китая и «китайских» образов в русской литературе XIX в. недостаточно исследована, несмотря на то что основу анализа китайских мотивов в русской литературе XIX в. положили еще Китаисты той эпохи. Следует отметить статью М.П. Алексева «Пушкин и Китай» [2], в которой заложено начало изучения китайской темы в творчестве Пушкина; пособие для иностранных студентов К.Ф. Пчелинцевой «Образ Китая в русской литературе и общественной мысли XIX–XX вв.» [3], в котором анализируются особенности функционирования китайской тематики в русской литературе в целом; кроме того образ Китая анализируется в работе К.Б. Гольгиной «Образ Китая в русской и советской литературе» [4]. Широкий материал по осмыслению образа Китая в русской культуре, литературе, политической и общественной мысли представлен в книге А.В. Лукина «Медведь наблюдает за драконом...», несмотря на то, что литературный материал анализируется вскользь, но последовательное изучение отношения к Китаю в России представляется наиболее полным и самым глубоким из всех существующих исследований по данной проблематике.

А.С. Пушкин, Н.Г. Чернышевский, В.Я. Беллинский, А.И. Герцен, позднее Л.Н. Толстой и А.П. Чехов неоднократно высказываются о Китае, по разному представляя читателю эту азиатскую страну. Очевидно одно, в эпоху творческой деятельности Ф.М. Достоевского Китай наравне с Европой и Западом волнует умы прогрессивной и образованной обществен-

ности. В науке о Достоевском ранее ставился вопрос о получении писателем информации о Китае и китайцах. Исследователи ограничивались влиянием Ч. Валиханова [5. С. 375] или предлагали расширить круг лиц «до его знакомых монархическо-охранительного направления» [6. С. 51]. В то время как китайская тема была одной из повесток многих журналов того времени, входящих в круг чтения Ф.М. Достоевского.

Так, в 1848 г. в «Современнике» публикуется рецензия В.Г. Белинского на труд «Китай в гражданском и нравственном состоянии» Н.Я. Бичурина. Здесь критик высказывается о Китае как стране тысячелетнего застоя и стране, в которой церемонии, фактически, уничтожили человека в человеке. «Лицемерие, лукавство, ложь, притворство, унижение – натура китайца. И как быть иначе там, где церемония поглощает всю духовную жизнь народа <...> Становиться на колени и бить поклоны – это его священная обязанность» [7. С. 595].

В 1859 г. появляется рецензия А.И. Герцена на работу «О свободе» Дж.С. Милля, вошедшая в «Былое и думы», в которой Китай представляется «как типичный пример окончательной застойной устойчивости» [1. С. 73]. В 1856 г. на страницах «Современника» о причинах китайского застоя высказывается и Н.Г. Чернышевский. Не сходит китайская тема и со страниц таких известных журналов, как «Новое время», «Русский вестник», «Московские ведомости». Во время нахождения Достоевского в Семипалатинске китайская тема, вопросы, связанные с китайской угрозой, опасением китайской экспансии, многократно поднимаются в сибирской периодике. Именно в сибирский этап жизни Достоевский впервые сопоставляет Европу и Китай, обозначает интерес к Китаю, как к стране с тысячелетней историей и традициями, впервые проявляет интерес к китайским церемониям.

Следует особо оговорить вклад в изучение китайского вопроса О.И. Сенковского, известного востоковеда первой половины XIX в., который, публикуя в популярнейшем в то время журнале «Библиотека для чтения» рецензии на заметки Иакинфа Бичурина, делает серьезные и глубокие замечания о причинах косности и неподвижности Китая. Так в статье, которая явилась своеобразным итогом двух рецензий, с говорящим названием «Китай и китайцы», Сенковский отмечает, что сложившаяся веками система церемоний является системой «дурачения людей» [8. С. 360]. Кроме того, Сенковский автор ряда художественных произведений, посвященных Китаю и китайцам: «Чин Чун, или Авторская слава» (1834), «Фаньсу, или Плутровка горничная» (1839), «Китаец, утвердившийся на середине» (1843) и др.

Изученность образа Китая и китайцев на уровне имагологии в творчестве Достоевского крайне мала и исчерпывается несколькими цитируемыми по тексту статьи работами. Г.А. Краснова делает первую попытку заявить китайскую проблематику в творчестве Достоевского в рамках статьи в журнале «Вопросы литературы» [3], ее исследование довольно обзорно открывает китайскую тематику и сосредоточено, в основном, на исследовании китайских объектов в ху-

дожественном творчестве писателя. Н. Романова в статье «Ф.М. Достоевский и “китайский вопрос”» довольно пунктирно прописывает очевидные «китайские мотивы» творчества Достоевского, однако оставляет их без серьезного анализа [9]. П.В. Алексеев уделяет довольно значительное место китайской проблематике в творчестве Ф.М. Достоевского, посвящая одну из глав своей монографии заявленной теме [10]. Исследователь основательно подходит к проблеме изучения Китая в творчестве писателя, находит богатый и интересный материал, однако, пытается построить образ Китая в уже созданную им ориенталистскую концепцию, что часто отдаляет Алексеева от объективных оценок. Обращается к теме китайских церемоний в творчестве Достоевского и оригинально их трактует Joseph Frank в книге «Dostoevsky: The Mantle of the Prophet, 1871–1881». [11] Интересное исследование принадлежит В.Л. Цымбурскому, который первым ставит вопрос геополитической важности Китая в воззрениях Достоевского [12].

На первый взгляд столь неочевидная в кругу геополитических размышлений писателя страна упоминается им довольно часто: нами обнаружено 49 высказываний, и в художественных произведениях, и в публицистике, и в письмах, и в черновых набросках. В этом смысле высказывание Г.А. Красновой о том, что «китайская тема как бы пронизывает все творчество Достоевского» [3. С. 373] не кажется таким уж безосновательным.

Китайская проблематика в творческом наследии писателя развивается поступательно: от вскользь упомянутых предметов быта до кратких упоминаний для размышления в черновых набросках и попыток определить место Китая на геополитической карте, рассмотреть особенности русско-китайских взаимоотношений. Это, очевидно, связано с усилением интереса к Китаю и русско-китайским отношениям в XIX в.

Тему Китая в художественной и публицистической мысли Достоевского предлагаем рассмотреть с нескольких основных сторон: Китай – как символ косности мышления, церемониальности. Китай – как символ чужого и отдаленного. Китай – как набор клише и мода на китайские предметы обихода. Китай – как реальная угроза окраинам России.

Китай – как набор клише, мода на китайские предметы обихода. Несмотря на то, что заметки геополитического и аналитического характера начинают появляться в творчестве Достоевского только в период каторги и после возвращения, клишированные высказывания о Китае встречаются уже в «Белых ночах». Возникший в разговоре Настеньки и Мечтателя китайский богдыхан ярко демонстрирует ведущую роль китайских клише – далекость, вычурность, недоступность. Китайские интенции возникают лишь во сне или фантазии и всегда имеют ироничную модальность.

Клишированные китайские атрибуты быта, носящие разную смысловую нагрузку, многократно будут упоминаться и в других художественных текстах. В «Записках из Мертвого дома» обращаем внимание на разноцветные китайские фонарики, которые клеил

Аким Акимыч; китайский фонарь на лестнице видят Раскольников и Иван Карамазов. В «Униженных и оскорбленных» реализуется сразу два клише: с одной стороны, китайский халат и китайские тапочки Маслобоева, с другой стороны, изрядно выпившая мадам Бубнова, угождая Маслобоеву, обещает ему достать машерочек хоть «из китайского государства». Всем известная китайская ваза в доме Епаничных и китайские вазы, которые Варвара Петровна дарит Кармазинову. Отметим еще воображаемые цветы в «китайских банках» Свидригайлова и китайских кошек генеральши Крахоткиной в «Селе Степанчикове и его обитателях». В романе «Братья Карамазовы» несколько раз указывается на китайские ширмочки в комнате Федора Павловича, причем китайские они только его глазами. Следует уточнить: китаисты XX в. неоднократно отмечали, что в России и Европе китайскими считались отнюдь не китайские вещи.

При всей необходимости указать на этот аспект разворачивания китайской темы в наследии Достоевского важно подчеркнуть, что присутствие в текстах таких маркеров китайской культуры не приближает нас к концепции Китая Достоевского, а лишь указывает на тотальную моду на все китайское, которая начала сходить только в 1880-е гг.

Китай как символ косности мышления, церемониальности. Особого внимания заслуживает рассмотрение китайских церемоний, «китайщины», как ее называет Достоевский, китайской косности, которая, по мысли писателя, является следствием четырехтысячелетней истории соблюдения традиции церемоний. При этом Достоевский или иронизирует над темой церемоний, или с сожалением замечает, что церемонии могут организовать только внутреннюю сторону жизни, что соблюдение церемоний может сузить жизнь человека до механической функции. Духовная рефлексия, чувство сострадания теряются: соблюдай традиции и тебе все будет позволено. Отсутствие нравственных ориентиров пугает писателя. В записной тетради 1864–1865 гг. в подготовительных материалах к статье «Социализм и христианство» Достоевский сатирически отметит: «Есть, жиреть и в карты играть. Китайский уклад. О бессмыслица» [13. Т. 20. С. 195].

Впервые о китайских церемониях Достоевский говорит в Семипалатинске в 1856 г. В воспоминаниях Г.Н. Потанина мы обнаруживаем следующее: «В Семипалатинске я встретился с Достоевским, но только на минуту; я входил в двери, а он выходил. Я остановился по одну сторону дверей, чтобы дать ему дорогу, он, оставаясь по другую сторону, предлагал мне первому перешагнуть порог. Произошло препирательство. Наконец он, улыбаясь, сказал: “Десять тысяч китайских церемоний!” Вот и все, что я от него услышал» [14. С. 194]. Е.Г. Новикова справедливо указывает на связь этого фрагмента с будущим вступлением к «Дневнику писателя» 1873 г. В подготовительных материалах к «Дневнику писателя» за указанный год Достоевский отметит: «Будь чем хочешь, лишь исполняй церемонии <...> Будь чем хочешь, это твое дело, убийцей, мерзавцем, нищим, фанатиком, но исполняй церемонии» [13. Т. 21. С. 295]. Церемонии являются связующими звеньями, не дающими муравейнику

(именно так Достоевский характеризует китайское общество, созданное на бездумном соблюдении порядка и традиций) распасться. Для того чтобы избежать превращения в муравейник, необходимы духовные скрепы, самоанализ, сострадание, вера. В подготовительных материалах к «Дневнику писателя» 1873 г. Достоевский помещает Китай во вполне предсказуемый и маркированный ряд. «Скука и китайщина». «Что такое Китай? Полизать пол, китайщина, муравейник. Лизать пол, есть рис» [13. Т. 21. С. 296].

Во вступлении к «Дневнику писателя» за 1873 г. Достоевский объединит все разрозненные высказывания о китайских церемониях и сатирически представит свое назначение в редакторы. «Двадцатого декабря я как раз читал статью “Московских ведомостей” о бракосочетании китайского императора; она оставила во мне сильное впечатление. Это великолепное и, по-видимому, весьма сложное событие произошло тоже удивительно просто: все оно было предусмотрено и определено еще за тысячу лет, до последней подробности, почти в двухстах томах церемоний. Сравнив громадность китайского события с моим назначением в редакторы, я вдруг почувствовал неблагодарность к отечественным установлениям, несмотря на то что меня так легко утвердили, и подумал, что нам, т.е. мне и князю Мещерскому, в Китае было бы несравненно выгоднее, чем здесь, издавать “Гражданина”. Там все так ясно... Мы оба предстали бы в назначенный день в тамошнее главное управление по делам печати. Стукнувшись лбами об пол и полизав пол языком, мы бы встали и подняли наши указательные пальцы перед собою, почтительно склонив головы. Главнуправляющий по делам печати, конечно, сделал бы вид, что не обращает на нас ни малейшего внимания, как на влетевших мух. Но встал бы третий помощник третьего его секретаря и, держа в руках диплом о моем назначении в редакторы, произнес бы нам внушительным, но ласковым голосом определенное церемониями наставление. Оно было бы так ясно и так понятно, что обоим нам было бы невероятно приятно слушать. <...> Заключив прекрасными словами: “Иди, редактор, отныне ты можешь есть рис и пить чай с новым спокойствием твоей совести”, третий помощник третьего секретаря вручил бы мне красивый диплом, напечатанный на красном атласе золотыми литерами, князь Мещерский дал бы полную взятку, и оба мы, возвратясь домой, тотчас же бы издали великолепнейший № “Гражданина”, такой, какого здесь никогда не издадим. В Китае мы бы издавали отлично» [13. Т. 21. С. 5–6].

Примечательным кажется помещение этого сатирического фрагмента во вступление к «Дневнику писателя». Достоевский использует шаблонные представления о китайских церемониях, распространенные в то время в обществе, и, в известной мере, доводит их до абсурда, гиперболизируя и детализируя процесс китайской церемонии, применяемый им для изображения процедуры назначения в редакторы. Однако если наложить этот полушутливый эпизод на размышления Достоевского в послесловии к роману «Бесы» о хаосе и отсутствии убеждений, то мы неминуемо приходим к выводу о встраивании китайской

темы в общую парадигму поиска путей налаживания порядка. Достоевский шутивно примеряет китайский уклад на российскую действительность и, очевидно, приходит к мысли о невозможности достижения порядка в России за счет внешних механических средств. Не случайно в следующей за «Введением» главе «Дневника» «Старые люди» писатель, говоря о Белинском и Герцене, подчеркивает, что суть внутренних проблем общества заключается в отрицании и отсутствии нравственной ответственности каждого перед каждым.

Комически обыгрывая свое вступление в должность, Достоевский формулирует основные черты «китайского муравейника», главная из которых – «не задумываться». Развивая данную тему, он обнаруживает, что в российском обществе данная черта становится все более выгодной.

«На случай, если б я в Китае был так глуп и чист сердцем, что, приступая к редакторству и сознавая слабость моих способностей, ощутил бы в себе страх и угрызение совести, – мне бы тотчас же было доказано, что я вдвое глуп, питая такие чувства. Что именно с этого момента мне вовсе не надо ума, если б даже и был; напротив того, несравненно благонадежнее, если его нет вовсе» [13. Т. 21. С. 5].

Однако Достоевский обращает внимание читателя на то, что в Китае отсутствие рефлексии связано с выработанным многими тысячелетиями порядком, «там все предусмотрено и все рассчитано на тысячу лет» [13. Т. 21. С. 6], в России же задумчивость «дорого стоит». Писатель неоднократно подчеркивает, что сейчас в России трудно выражать свое мнение открыто, что проще писать непонятно, что беспорядок стал центром общества. Все друг друга подозревают, но никто не говорит об этом. Вместо выражения собственных суждений – короткое «Я ничего не понимаю». В такой ситуации ординарность, посредственность и глупость легко могут сойти за прячущийся талант, все равно никто ничего не поймет. Нежелание говорить прямо и откровенная глупость одинаково скрываются под шаблонными фразами: «Я ничего не понимаю в искусстве».

«У нас говорить с другими – наука, т.е. с первого взгляда, пожалуй, так же, как и в Китае; как и там, есть несколько очень упрощенных и чисто научных приемов. Прежде, например, слова “я ничего не понимаю” означали только глупость произносившего их; теперь же приносят великую честь. Стоит лишь произнести с открытым видом и с гордостью: “Я не понимаю религии, я ничего не понимаю в России, я ровно ничего не понимаю в искусстве” – и вы тотчас же ставите себя на отменную высоту. И это особенно выгодно, если вы в самом деле ничего не понимаете. <...> В Китае я бы отлично писал; здесь это гораздо труднее. Там все предусмотрено и все рассчитано на тысячу лет; здесь же все вверх дном на тысячу лет. <...> Но этот упрощенный прием ничего не доказывает. В сущности, у нас каждый подозревает другого в глупости безо всякой задумчивости и безо всякого обратного вопроса на себя: “Да уж не я ли это глуп в самом деле?” Положение вседовольное, и, однако же, никто не доволен им, а все сердятся. Да и задумчи-

вость в наше время почти невозможна: дорого стоит. Правда, покупают готовые идеи. Они продаются везде, даже даром; но даром-то еще дороже обходятся, и это уже начинают предчувствовать. В результате никакой выгоды и по-прежнему беспорядок» [13. Т. 21. С. 6–7].

Подводя итог своим рассуждениям, Достоевский констатирует: «...пожалуй, мы тот же Китай, но только без его порядка. Мы едва лишь начинаем то, что в Китае уже оканчивается. Несомненно, придем к тому же концу, но когда? Чтобы принять тысячу томов церемоний, с тем чтобы уже окончательно выиграть право ни о чем не задумываться, – нам надо прожить по крайней мере еще тысячелетие задумчивости. И что же – никто не хочет ускорить срок, потому что никто не хочет задумываться». Достоевский дважды повторит эту мысль, подчеркивая, что и в России никто не задумывается ни о чем, кроме денежного достатка, и резюмирует: «...в сущности, у нас решительно тот же Китай, но только безо всякого порядка» [13. Т. 21. С. 7]. Принципиальным различием между Китаем и Россией является разное основание для нежелания задумываться. В Китае люди живут, не задумываясь, потому что тысячами томов церемоний и тысячелетним соблюдением традиций они выработали порядок, соблюдая который, можно жить не задумываясь. В России жизнь без задумчивости над своими действиями порождает еще больший беспорядок. Так, по мысли Достоевского, саморефлексия может разрушить устоявшийся порядок в Китае и, наоборот, явиться фундаментом для создания порядка в России. Не случайно образ Китая возникает в подготовительных материалах к «Подростку», в котором беспорядок является одной из основополагающих идей.

Следует особо отметить, что размышления о Китае и китайцах возникают во всем творчестве Достоевского только в открытом или имплицитном сопоставлении с Россией. Писатель практически не интересуется реальными политическими событиями в самом Китае, но постоянно анализирует китайский опыт выстраивания государственности, пытается разобраться в возможности применения данного подхода к российской истории и действительности. Лишь единожды мы обнаружим упоминание о реальных событиях: Опиумные войны 1840–1850 гг. В стихотворении «На европейские события в 1854 году», которое, безусловно, является предтечей геополитических идей и размышлений, развернувшихся в «Дневнике писателя». Достоевский открыто обвиняет англичан, которые ради экономической выгоды, фактически создают целую эпидемию наркомании в Китае.

«Не опиум, растливший поколение,
Что варварством зовем мы без прикрас,
Народы ваши двинет к возрожденью
И вознесет униженных до вас!
То Альбион, с насиллием безумным
(Миссионер Христовых кротких братств!)
Разлил недуг в народе полуумном,
В мерзительном алкании богатств!» [13. Т. 2. С. 405]
Это, пожалуй, единственный случай, когда писатель вводит в поле своих геополитических размышле-

ний события, касающиеся непосредственно китайского народа.

Китай как символ чужого и отдаленного. Китай трактуется Достоевским как страна крайне далекая, малопонимаемая, закрытая. Эти характеристики, а, прежде всего, гиперболизированная отдаленность неоднократно подчеркиваются писателем. Зачастую образ Китая используется им для эксплицирования закрытости и непонятности России для европейцев при всей внешней доступности. «Если есть на свете страна, которая была бы для других, отдаленных или сопредельных с нею стран более неизвестною, неисследованною, более всех других стран непонятою и непонятною, то эта страна есть, бесспорно, Россия для западных соседей своих. Никакой Китай, никакая Япония не могут быть покрыты такой тайной для европейской пытливости...» [13. Т. 18. С. 41]. Писатель подчеркнет ниже, что у непонятости Китая есть объективные причины: географическая отдаленность и закрытость, но характер китайца при этом более простой, созданный тысячелетним соблюдением правил и традиций понятнее европейцу. Китаец, в сознании западных соседей наделенный рядом клишированных характеристик, может быть понят через познание китайский устоев, русский же человек, несмотря на географическую близость, есть тайна, которую европейцы разгадать не могут веками.

Достоевский нередко использует образ Китая для подчеркивания принципиальной разницы между сопоставляемыми объектами. Так, говоря о воспитании и сравнивая отношение к воспитанию отцов семейств, писатель отмечает: «Тогда бывало иногда так, что два дворянина, отцы семейств, разнились между собою понятиями во всем, как Европа и Китай» [13. Т. 28, ч. 1. С. 309]. В черновых записках 1875–1876 г., в размышлениях о будущем России, Достоевский отмечает разность России и Европы и, подчеркивая ошибочность попыток записать себя в европейцы, делает пометы для размышления о Китае и России.

Китай как реальная угроза окраинам России. В публицистике Ф.М. Достоевского мы находим достаточное количество примеров, в которых Китай представлен как реальная угроза границам Российского государства. В первую очередь, это связано с территорией Сибири и восточных окраин. Опасность китайской угрозы повсеместно транслировалась сибирскими газетами, которые порою сильно преувеличивали реальную ситуацию. В 1854 г. в письме А.Е. Врангелю из Семипалатинска Достоевский напишет: «Из новостей ничего не знаю, кроме того, что (и, кажется, верно) китайцы сожгли нашу факторию в Чугучаке и консул спасся бегством» [13. Т. 28, ч. 1. С. 195].

Достоевский неоднократно будет говорить о китайском пришествии на сибирские земли, предостерегая государственных чиновников от халатного отношения к Сибири и азиатским окраинам. Известно, что писатель не раз рассуждал о возрождении России именно в Сибири. В этом смысле китайское или американское вторжение могло существенно повлиять на будущее страны. Записные тетради свидетельствуют о том, что Достоевский хотел написать отдельную статью об американской и китайской опасности, но не

реализовал свои планы. Встречаются в «Дневнике писателя» иронически изложенные мысли оппонентов писателя, большая часть из них относится к 1881 г.: «Сибирь продать по частям на сруб – уступить Китаю» [13. Т. 27. С. 78]; «Окраины все это вздор, все это мелочи... Россия до Урала, а дальше мы ничего и знать не хотим. Сибирь мы отдадим китайцам и американцам» [13. Т. 27. С. 73]. Данные высказывания в черновиках принадлежат либералам и высмеиваются писателем. Однако мысль об окраинах с 1874 г. не покидает Достоевского, в это время он запишет: «С В.В. Григорьевым поговорить: 1) о провинциальной печати 2) о наших азиатских окраинах. Будет ли справедлива мысль о китайцах?» [13. Т. 27. С. 112]. В записной тетради 1875–1876 гг. обнаруживаем: «Китай, Япония. Подымчивость наций Средней Азии» [13. Т. 24. С. 130]. Но в 1881 г. она обретает явственное звучание несмотря на то, что остается только в пометах в записных тетрадях и не складывается в отдельный текст.

Достоевский призывал как можно быстрее построить железные дороги, связать Сибирь с центральной частью и обезопасить окраины. «Южная линия Сибирской железной дороги, будущность Китая. Достаточно только некоторого расширения кругозора и мысли или толчка от реформ <...> чтобы не догадаться, что кругом пустые и богатые земли <...> а их, китайцев, бесконечно много, чтоб не <...> помыслить захватить эти земли <...> чтоб не догадаться до какой степени эти земли слабы и не защищены и даже в дальнейшем защищены быть не могут» [13. Т. 24. С. 83–84]. Идея прокладывания железной дороги, ее острая необходимость не единожды встречается в публицистике Достоевского. Подчеркивается опасность при продолжающемся запустении сибирских земель не только со стороны Китая, но и со стороны других стран, прежде всего Америки, а также Германии и Англии. Писатель подчеркивает, что неизбежное развитие военных идей в Китае неминуемо приведет к мысли о захвате сибирских земель. Угроза военного захвата постоянно мелькает в записных тетрадях писателя. Интересен факт, что, при подобных размышлениях, рядом с Китаем часто возникает Япония. Так в окончании заметки, упомянутой выше: «<На полях рядом с текстом: Южная линия... иметь в виду. О Японии (см. ниже). Китай>» [13. Т. 24. С. 84]. И еще в 1881 г. встречаются короткие пометы о возможном введении войск Китаем по примеру Японии, о неизбежности столкновений в Азии. При сложении всех разрозненных высказываний в единое целое складывается определенное отношение Достоевского к китайской опасности. Он не просто признает ее, но призывает задуматься и предпринять уже сейчас важные шаги для укрепления сибирских земель, для их развития и связи с центральной частью, Достоевский подчеркивает необходимость этих действий сейчас, безотлагательно, а через 50 лет, по мысли писателя, будет уже поздно. Китай, осознавший свою военную мощь, связанную, прежде всего, с многочисленностью и большим ростом населения может оказаться реальным врагом российским окраинам, прежде всего Си-

бири. Единственный выход, который видит писатель, заключается в скорейшем включении Сибири в качестве полноценного и, в геостратегическом плане, важного субъекта в геополитическую концепцию развития России. Известно, что и сам Достоевский в период пребывания в Сибири не называл эти земли Россией и только во время нахождения за границей изменил свою точку зрения.

В заключение хотелось бы еще раз подчеркнуть значение Китая в творчестве Достоевского. Все вышесказанное показывает, что писатель последовательно осмысливает Китай, китайский опыт построения государственности, китайские традиции. Неоднократно рассматривает оппозиции Китай и Россия, Китай и Европа. Безусловно, вписывает Китай в большее геополитическое пространство, Азию. Писатель стратегически точно отмечает опасность, которую Китай представляет для окраин России, в частности для Сибири. Пытается примерить китайский опыт развития на российскую действительность, но приходит к выводу о невозможности применения китайских стратегий управления людьми к русскому народу. Достоев-

ский мало интересуется китайским бытом и культурой, ограничиваясь лишь использованием в художественных произведениях общепринятых клише.

Понимание китайской стилистики и расшифровка особенностей китайской проблематики созвучна общим публицистическим веяниям того периода. Так мысль о косности, отсталости Китая стала едва ли не общим местом, в частности много об этом говорили О.И. Сенковский и В.Г. Белинский. Идея о принципиальном противопоставлении Европы и Китая и срединном положении России между ними высказывалась П.Я. Чаадаевым и получила особое развитие у Н.Я. Данилевского. И.А. Гончаров, как и Достоевский, предлагает изучить опыт принцип государственности Китая, чтобы не совершить своих ошибок. И все же Достоевский-публицист идет своим особым путем, он не просто осмысливает китайскую историю и действительность со стороны, определяя плюсы и минусы китайского уклада, он выстраивает всестороннюю социально-политическую концепцию азиатского пути развития на примере Китая.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лукин А.В. Медведь наблюдает за драконом. Образ Китая в России в XVII—XXI веках. М. : Восток-Запад; АСТ, 2007. 598 с.
2. Алексеев М.П. Пушкин и Китай // Пушкин и мир Востока. М. : Наука, 1999. С. 50–80.
3. Пчелинцева К.Ф. Образ Китая в русской литературе и общественной мысли XIX–XX вв. спецкурс для иностранных студентов. Волгоград : Перемена, 2005. 21 с.
4. Гольгина К.Б. Образ Китая в русской и советской литературе // Теоретические проблемы изучения литератур Востока. М., 1987. Ч. 1. С. 208–216.
5. Краснова Г.А. Достоевский и Китай // Вопросы литературы. 1999. № 1. С. 373–378.
6. Алексеев П.В. «Китайское вступление к «Дневнику писателя» Ф.М. Достоевского // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2017. № 49. С. 98–110.
7. Белинский В.Г. Китай в гражданском и нравственном отношении. Сочинение монаха Иакинфа // Белинский В.Г. Собрание сочинений : в 9 т. М. : Худ. лит., 1982. Т. 8. С. 595–599.
8. Сенковский О.И. Китай и китайцы // Собрание сочинений. СПб., 1858. Т. 6. 630 с.
9. Романова Н. Ф.М. Достоевский и «китайский вопрос». 2012. URL: <https://omiliya.org/content/fmdostoevskii-i-kitaiskii-vopros.html>
10. Алексеев П.В. Ф.М. Достоевский и Восток. Горно-Алтайск : БИЦ ГАГУ, 2017. 152 с. URL: https://www.academia.edu/35885207/Ф_М_Достоевский_и_Восток_F_M_Dostoevsky_and_the_East
11. Frank J. Dostoevsky: The Mantle of the Prophet, 1871–1881. Princeton; Oxford : Princeton University Press, 2003.
12. Цымбурский В.Л. Остров Россия: геополитические и хронополитические работы, 1993–2006. М. : РОССПЭН, 2007. 543 с.
13. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений в тридцати томах / АН СССР, Ин-т русской литературы (Пушкинский дом); [редкол.: В.Г. Базанов (гл. ред.), Г.М. Фридендер (зам. гл. ред.), В.В. Виноградов и др.]. Наука. Ленинг. отд-е, 1972–1990.
14. Новикова Е.Г. Ф.М. Достоевский и сибирское областничество. Статья первая // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2019. № 59. С. 185–197.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 9 декабря 2020 г.

China in the Perception of Fyodor Dostoevsky

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 462, 49–55.

DOI: 10.17223/15617793/462/6

Ekaterina M. Ponkratova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: ekponkratova@yandex.ru

Daria A. Tarakanova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: dashnik@mail.ru

Keywords: Fyodor Dostoevsky; imagology; China; Chinese issue; 19th-century Russian literature.

This study is supported by the Russian Foundation for Basic Research, Project No. 18-012-90020\19.

The aim of the study is to form a holistic image of China as presented in the artistic and journalistic works of Fyodor Dostoevsky. The article examines the issue of China's place in Dostoevsky's works and its special significance for the formation of a holistic picture of the writer's world. A broad historical and cultural background is presented, showing the relevance of Dostoevsky's views on Chinese issues. Despite the existence of works devoted to the Chinese issue in the writer's work, the issue of the place and significance of China in the writer's heritage has not yet been resolved. For the first time, a number of fragments are introduced into academic discourse that reveal Chinese problems in the writer's works. The imagological concept unfolds on the broad material of the entire body of Dostoevsky's texts, bringing the scholarly apparatus of research to a new level. The article uses the following works: *White Nights*, *Humiliated and Insulted*, *The Village of Stepanchikovo*, *The House of the Dead*, *The Idiot*, *Crime and Punishment*, *The Possessed*, *The Brothers Karamazov*, the poem "On European Events in 1854", *A Writer's Diary*, preparatory materials for *A Writer's Diary*, notebooks of 1864 and 1865. It is concluded that the understanding of the Chinese theme is in harmony with the general journalistic trends of the second half of the 19th century, on the one hand; on the other hand, the unique

place of China in Dostoevsky's creative mind is emphasized. A clear structure of the constituents that form the writer's idea of China is proposed. China is considered in several significant aspects. China is a symbol of the alien and the distant. China is like a set of clichés and a fashion for Chinese household items. China is a real threat to the outskirts of Russia, Siberia. These positions are consistently analyzed in the article. The article also analyzes the Chinese attributes found in different works by Dostoevsky, demonstrates the writer's acquaintance with the clichéd idea of China. The position of understanding China as a symbol of the alien and the distant is considered in detail. The article shows how the author imposes the realities of Chinese statehood and the principles of organizing society on Russian reality based on the key theme of chaos and disorder. Particular attention is paid to the perception of China as a real threat to the outskirts of Russia. In considering this aspect, Dostoevsky's geopolitical ideas about the place and role of Siberia in the issue of the revival of Russia are touched upon. The need to expand the understanding of the specifics of Dostoevsky's Asian views is shown by including a detailed analysis of China and the Asian outskirts of Russia, which undoubtedly are part of the writer's circle of special reflections on the role and mission of Russia.

REFERENCES

1. Lukin, A.V. (2007) *Medved' nablyudaet za drakonom. Obraz Kitaya v Rossii v XVII—XXI vekakh* [The bear is watching the dragon. The Image of China in Russia in the 17th–21st Centuries]. Moscow: Vostok-Zapad; AST.
2. Alekseev, M.P. (1999) Pushkin i Kitay [Pushkin and China]. In: Chelyshev, E.P. (ed.) *Pushkin i mir Vostoka* [Pushkin and the World of the East]. Moscow: Nauka. pp. 50–80.
3. Pchelintseva, K.F. (2005) *Obraz Kitaya v russkoy literature i obshchestvennoy mysli XIX–XX vv. Spetskurs dlya inostrannykh studentov* [The Image of China in the Russian Literature and Social Thought of the 19th–20th centuries. A course for foreign students]. Volgograd: Peremena.
4. Golygina, K.B. (1987) Obraz Kitaya v russkoy i sovetskoy literature [The image of China in Russian and Soviet literature]. In: *Teoreticheskie problemy izucheniya literatur vostoka* [Theoretical problems of studying the literature of the East]. Vol. 1. Moscow: Nauka. pp. 208–216.
5. Krasnova, G.A. (1999) Dostoevskiy i Kitay [Dostoevsky and China]. *Voprosy literatury*. 1. pp. 373–378.
6. Alekseev, P.V. (2017) Chinese introduction to A Writer's Diary by Fyodor Dostoevsky. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 49. pp. 98–110. (In Russian). DOI: 10.17223/19986645/49/7
7. Belinskiy, V.G. (1982) *Sobranie sochineniy: v 9 t.* [Collected Works: In 9 volumes]. Vol. 8. Moscow: Khud. lit. pp. 595–599.
8. Senkovskiy, O.I. (1858) *Sobranie sochineniy: v 9 t.* [Collected Works: In 9 volumes]. Vol. 6. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences.
9. Romanova, N. (2012) *F.M. Dostoevskiy i "kitayskiy vopros"* [F.M. Dostoevsky and the "Chinese question"]. [Online] Available from: <https://omiliya.org/content/fmdostoevskii-i-kitaiskii-vopros.html>.
10. Alekseev, P.V. (2017) *F.M. Dostoevskiy i Vostok* [F.M. Dostoevsky and the East]. Gorno-Altaysk: Gorno-Altaysk State University. [Online] Available from: https://www.academia.edu/35885207/F_M_Dostoevskiy_i_Vostok_F_M_Dostoevsky_and_the_East.
11. Frank, J. (2003) *Dostoevsky: The Mantle of the Prophet 1871–1881*. Princeton; Oxford: Princeton University Press
12. Tsyburskiy, V.L. (2007) *Ostrov Rossiya: geopoliticheskie i khronopoliticheskie raboty, 1993–2006* [The Russia Island: Geopolitical and chronopolitical works, 1993–2006]. Moscow: ROSSPEN.
13. Dostoevskiy, F.M. (1972–1990) *Polnoe sobranie sochineniy v tridsati tomakh* [Complete works in thirty volumes]. Leningrad: Nauka.
14. Novikova, E.G. (2019) Fyodor Dostoevsky and Siberian regionalism. Article one. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 59. pp. 185–197. (In Russian). DOI: 10.17223/19986645/59/11

Received: 09 December 2020